

На правах рукописи

ГИЛЬМУТДИНОВ Данияр Рустамович

**ИСЛАМ И ГОСУДАРСТВО В СРЕДНЕВОЛЖСКОМ
РЕГИОНЕ В 1870-1917 ГГ.
(на материале Казанской губернии)**

Специальность: 07.00.02 – отечественная история

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Казань
2005

Работа выполнена на кафедре современной отечественной истории
Казанского государственного университета

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор,
академик АНТ, заслуженный
деятель науки РФ и РТ

Тагиров Индус Ризакович

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук

Хабутдинов Айдар Юрьевич

кандидат исторических наук

Загидуллин Ильдус Котдусович

Ведущая организация:

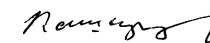
Институт татарской энциклопедии АНТ

Защита состоится «_22_» _декабря_ 2005 г. в _10_ часов на заседании диссертационного совета Д.212.081.01 в Казанском государственном университете по адресу: 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18, корпус 2, ауд. 1112.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан «_21_» _ноября_ 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Р.Г. Кашафутдинов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Государственно-религиозные взаимоотношения всегда пользовались заслуженным вниманием исследователей. Еще с древних времен правители использовали религиозные или мифологические представления для легитимизации своей власти (сакрализованная власть фараонов в Египте, императоров - в Китае и т.д.). Такое обожествление монарха было характерно и для России, причем вплоть до новейшего времени. Здесь, в силу полиэтничности населения, государственно-религиозные отношения характеризовались спецификой взаимодействия "по горизонтали", между разными в культурно-цивилизационном отношении народами.

Российский монарх, не сумев в корне унифицировать Россию по одной "религиозной мерке", в конечном итоге объявляет себя покровителем всех населяющих страну народов и конфессий. Для управления «иноверным» населением власть использует влияние духовенства, которое в "казанском крае" было на особом счету. Со дня основания Шариатского суда (Махкама шаргия), Оренбургского духовного собрания (ОМДС) сотню лет имамы из "казанских татар" составляли его костяк, формируя корпус кадиев (шариатских судей). Несмотря на проигрыш еще в 20-х гг. XIX в. политической битвы за контроль над муфтиятом, кадии вели все делопроизводство и имели сильное влияние на работу Духовного собрания. В проекте реформ Собрания Риза Фахретдин в 1880 г. предлагает ввести избрание кадиев всем населением, оставляя преимущество за имамами Казанской губернии. Этот факт свидетельствует о признании авторитета и учености имамов из "казанских татар" в среде мусульманской интеллигенции.

Пик государственно-исламских отношений, пришелся на к. XIX – н. XX вв. С того времени по сегодняшний день прежний антагонизм еще сохраняется в менталитете людей и часто проявляется в "чистых" формах. Среди некоторых общественных деятелей до сих пор не теряет своей актуальности угроза «панисламизма», проявлением которой объясняются бесчеловечные террористические акты нашего времени. Выполнение некоторых задач государственной власти разделило ислам на "хороший" и "плохой", "правильный" и "неправильный". Идеологом же укрепления взаимоотношений власти и вероисповеданий является само духовенство, по сей день приближенное к власти.

Под покровительством государственной политики межнационального сотрудничества активизируется внимание исследователей к внутрен-

ним национальным проблемам России. В связи с этим существует насущная потребность во введении в научный оборот нового материала, восстанавливающего “историческую память”, используя новые подходы и методы. В настоящее время, на наш взгляд, имеет место поиск новой методологической основы для рассмотрения темы взаимоотношений татар-мусульман и власти в дооктябрьский период.

В качестве **объекта** исследования рассматривалось состояние ислама, проявляющего себя в догматике и образе жизни, в условиях определяющего формирующего воздействия власти самодержавного типа. **Предметом** изучения являлся процесс взаимодействия власти и сообщества мусульман (представленного ОМДС, имамами и рядовыми членами религиозных общин Казанской губернии) по решению вопросов функционирования и развития последнего в культурно-языковой, образовательной, религиозной и других сферах. Продемонстрированные калейдоскопы мнений, а также противоречивость конкретных шагов политики властей, лишь дополняют общее направление мыслей и действий.

Цель работы: показать влияние государственной политики культурного адаптирования на развитие общества татар-мусульман Казанской губернии.

Достижение объявленной цели предполагается решением следующих задач:

- показать основные направления «иноверческой» политики правительства, ее оценку представителями мусульманской интеллигенции и духовенства;
- рассмотреть проведение в жизнь правительственной политики адаптирования социальной инфраструктуры Ислама (школ, населенных пунктов, мечетей, кладбищ и т. д.) в Казанской губернии к. XIX в.;
- охарактеризовать влияние Манифеста 17 октября 1905 г. на внутреннюю политику и общественную активность мусульманских лидеров;
- определить пути решения «мусульманского вопроса», предлагаемые официальными и частными лицами.

Нижняя граница **хронологических рамок** работы относится к 70-м гг. XIX в., когда Правительство предприняло ряд целенаправленных мер по отношению к мусульманским медресе (введение должности Инспектора татарских, башкирских и киргизских школ, создание русских классов). В плане национально-религиозных отношений усилилась негативная сторона зависимости духовенства от чиновников светской администрации.

Это произошло в 1869 г., после конфликта муфтия С. Тевкелева с местной администрацией, в результате чего муфтии стали общаться с имамами только через каналы ОМДС¹. В 1864 г. создается Братство святого Гурия, активно взявшееся за христианизацию «иностранцев», а Казанская духовная академия усиливает антиисламскую пропаганду. Кроме того, с указанного времени начинается воплощение в жизнь «Великих реформ», в русле которых и следует, по нашему мнению, рассматривать исследуемое направление внутренней политики. Верхняя точка исследуемого временного отрезка отмечается приходом большевиков к власти в октябре 1917 г. Проблемы религиозно-культурной автономности в этот период «девальвировались» до уровня средневековых пережитков.

Историография. В силу политической заостренности проблемы статуса мусульман в России имеет место раздвоенность позиций исследователей, особенно в дореволюционной историографии. Внимание ученых к тем или иным проблемам менялось в зависимости от общего политического курса. В дореволюционной историографии по сравнению с мусульманским «явное предпочтение отдавалось «польскому» и особенно «еврейскому» вопросам, являвшимся, например, с точки зрения кадетов, важнейшими из всех «иностранческих» вопросов². Власти, например, в лице С.Ю. Витте, видели терпимость к иноверам в виде «дружелюбно-безразличного» отношения к ним³. Для российского государства «мусульманский вопрос» давал о себе знать лишь проявлением оппозиционности. По-видимому, в 1913 г. проблема «панисламизма» и «пантюркизма» получила выражение и в научных, даже академических, журналах («Мир ислама»), однако данные процессы не освободились от политического, односторонне-оценочного толкования. Сам журнал «Мир ислама», после ухода В.В. Бартольда с поста редактора в 1912 г. стал фактически рупором МВД⁴. Эти идеологические штампы анализировались в России и ранее. В русскоязычной историографии они получили свое выражение и трактовку как минимум в 1909 г. в статье Г. Алисова⁵. В татарской прессе эти вопро-

¹ См.: Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. - Уфа, 1999. – С. 166.

² См.: Усманова Д. О статье Г. Алисова «Мусульманский вопрос в России» // Гасырлар авазы - Эхо веков. – 1999. - №1/2. – С. 248.

³ См.: «Наша внутренняя политика по мусульманскому вопросу является важнейшим фактором политики внешней»: С.Ю. Витте и его позиция в мусульманском вопросе / Публ. подгот. Д. Арапов // Источник. – 2003. - № 2. – С. 25.

⁴ См.: Хайрутдинов Р. «Мир ислама»: из истории создания журнала // Мир ислама. – 1999. - № 1/2. – С. 5-20.

⁵ Алисов Г. Мусульманский вопрос в России // Русская мысль. – 1909. - № 7. - С. 28-61.

сы обсуждались еще раньше. Под решением «мусульманского вопроса» или «вопроса ислама» («ислам дине мәсьәләсе») мусульманская общественность понимала все стороны притеснения ислама и своего неполноправного положения в Российской империи. Анализ самих запретительных (ограничительных) мероприятий в отношении мусульман фактически отсутствовал, по мнению Д.М. Усмановой, из-за недостатка в квалифицированных адвокатах и юристах из среды мусульманской интеллектуальной элиты - из всех газет и журналов на татарском языке обсуждение законодательства только журналом «Хокук ва хаят» подтверждает это¹. Кроме него, довольно большой вклад в обсуждение светских и религиозных законов для мусульман внесли журналы «Маглюмат» и «Шура». Но это не исключает отмеченную исследователем слабую изученность темы по сравнению, например, с «еврейским вопросом» в России.

Историография советского периода характеризуется формальным объединением противостоящих сторон в оценке содержания «иноверческой» политики самодержавия для борьбы против политического строя того времени. Разоблачается христианизаторско-русификаторское направление национальной политики самодержавия². Утрированно делается упор на освещение продажности духовенства. В большинстве работ об исламе и мусульманах Среднего Поволжья, начиная с 1917 г., акцентируется внимание на повышении уровня общего развития национальных меньшинств с приходом к власти большевиков, обратной стороной чего являлась ассимиляция. Работы 20-30-х гг., посвященные «исламу в царской России», по мнению Р. Мухаметшина, несмотря на примитивную теоретическую и методологическую основу, «несут богатый фактический материал», но этот плюс пропадает в работах 50-80-х гг.³ По утверждению Т.М. Голубкиной, к 50-70-м гг. относится появление миссионерско-христианизаторского фактора в оценке самодержавного государственного строя⁴. Послевоенная историография, при обилии идеологических штампов, делающих одно исследование похожим на другое, включает работы, в которых систематизи-

---

¹ См.: Usmanova D. The legal and ethno-religious world of empire: Russian muslims in the mirror of legislation (early twentieth century) // *Ab imperio*. – 2000. - № 2. – Р. 157.

² См., напр.: Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. – М., 1931; Климович Л. Ислам в царской России. – М., 1936; Людмилин А.С. Контрреволюция в рясах и чалмах. 1905 г. в бывшей Казанской губернии. – Казань, 1932.

³ См.: Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма... – Казань: Иман. - С. 3.

⁴ См.: Голубкина Т.М. Самодержавие и мусульмане Среднего Поволжья в конце XIX в. – 1917 г. (по материалам Казанской, Самарской, Симбирской губерний): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Владимир, 2005. – С. 10.

ровано рассматривается общественно-политическая борьба мусульман¹. Тем не менее, при всесиили цензуры излишняя оригинальность или вскрытый факт могли расходиться с бесспорными и однозначными выводами. С сер. 80-х гг. цензурные ограничения постепенно сходят на нет. Появляется возможность заново определить роль ислама в России вообще и охарактеризовать период наиболее “плотного”, всестороннего взаимодействия православной и мусульманской народностей в к. XIX – н. XX вв.

Вопросы, напрямую связанные с историей формирования и функционирования исламской “модели” или образа жизни на средней Волге, активно изучаются А.Ю. Хабутдиновым, И.К. Загидуллиным, Д.М. Усмановой, Р.М. Мухаметшиным, А.Х. Махмутовой, Д.Д. Азаматовым, Р.Р. Салиховым, О.Н. Коршуновой и другими исследователями. Так, в докторской диссертации О.Н. Коршуновой прослеживается взаимодействие культур в Поволжском регионе², тенденции их диалога, показываются многие негативные черты русификаторской политики властей. Не останавливаясь на демонстрации влияния политики властей на духовенство, население, образовательную систему автор проводит значительное теоретическое осмысление проблемы власти и общества в полиэтническом и поликонфессиональном регионе и составляет значительный список источников и литературы. Р.Р. Салихов исследовал степень участия мусульман в экономической и общественно-политической жизни губернии³. А.Ю. Хабутдинов в кандидатской, докторской диссертациях⁴, а также других

---

¹ См.: Фасеев К.Ф. К истории татарской передовой общественной мысли. – Казань: Таткнигоиздат, 1955; Нафигов Р.И. Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли (Очерк истории 1895 – 1917гг.). – Казань, 1964; Ишмухаметов З.А. Социальная роль и эволюция ислама в Татарии (Исторические очерки). – Казань, 1979.

² Коршунова О.Н. Процессы социокультурного взаимодействия этнических общностей Поволжья и Приуралья в XVIII-XIX вв. как проблема историко-политического изучения: Дис. ...д-ра ист. наук. - Казань, 2002.

³ См., напр.: Салихов Р.Р. Общественно-реформаторская деятельность татарской буржуазии Казани (вторая половина XIX – начало XX вв.): Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1996; Салихов Р.Р. Представительство татар-мусульман в выборных органах местного самоуправления в Казани на рубеже XIX-XX вв.: Материалы международного симпозиума «Ислам в татарском мире: история и современность». Казань, 29 апреля - 1 мая 1996 г. // Панорама-Форум. – 1997. - № 12. (http://www.kcn.ru/tat_ru/politics/pan_for/)

⁴ См.: Хабутдинов А.Ю. Татарское общественно-политическое движение в первой четверти XX века: Дис. ...канд. ист. наук. – Казань, 1996; Он же. Татарское общественное движение в российском сообществе (конец XVIII – начало XX веков): Дис. ...д-ра ист. наук. – Казань, 2002.

своих монографических трудах¹ показывает общественно-политическую борьбу мусульман, делая акцент на деятельности отдельных лидеров татар-мусульман, программах и резолюциях мусульманских съездов. В целом, работы этого автора незаменимы для формирования представления об интенсивности общественного движения и универсальности политических лозунгов татар-мусульман и свидетельствуют о том, что их активность являлась частью общего политического развития страны. Очень подробно показывает процесс “самоуправления” мусульман Уфимской губернии через аппарат ОМДС в XIX в. Д.Д. Азаматов². Эту книгу, на наш взгляд, по праву можно назвать “энциклопедией жизни мусульман” округа ОМДС с к. XVIII по н. XX вв. Процесс развития самосознания мусульман в дореволюционной и постсоветской России, попытки налаживания диалога с властями по проблемам желательного и допустимого для мусульман описываются в монографии Р.М. Мухаметшина³. Среди множества вопросов рассматривается процесс самореформирования ислама, попытки “совместить несовместимое” - религиозно-богословскую и экспериментально-научную образовательные системы. Ислам рассматривается как «символ национальной самобытности» татар в н. XX в. Что касается собственно «иноверческой» политики царского самодержавия, то из литературы, обстоятельно описывающей мероприятия правительства по отношению как к мусульманскому духовенству округа Оренбургского магометанского духовного собрания, так и к мусульманскому населению непосредственно Казанской губернии к. XIX в., следует отметить статьи И.К. Загидуллина⁴ и исследования Д.М. Усмановой¹. Школь-

---

¹ См.: Хабутдинов А.Ю. Татарское общественно-политическое движение в досоветский период (1900-1917). Ч. 1-2. – Казань, 1997; Он же. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII - начале XX веков. – Казань, 2001; Он же. Лидеры нации. – Казань, 2003 и др.

² См.: Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. - Уфа, 1999.

³ См.: Мухаметшин Р.М. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке. - Казань, 2004.

⁴ Загидуллин И.К. Законодательная политика царского правительства против татарского духовенства (вторая половина XIX в.): Материалы научной конференции 1989 г., посвященной 1100-летию (по хиджре) официального принятия Ислама Волжской Булгарией // Ислам в Поволжье: история и проблемы изучения. – Казань, 2000, С. 200-209; Загидуллин И.К. Перепись 1897 года и татары Казанской губернии. – Казань, 2000; Загидуллин И.К. Риззэддин Фәхретдин хөкүмәтнең XIX йөзгә икенче яртысындагы милли сәясәте турында: Фәнни конференция материаллары. Казан, 16 ноябрь 1999 ел // Риззэддин Фәхретдин: Мирасы һәм хәзерге заман. – Казан, 2003, 76-94 б. и др.

ный вопрос применительно к мусульманам Казанской губернии, а также эволюция его во взаимодействии общественно-политических сил в стране, освещаются в монографиях А.Х. Махмутовой². Место медресе в инородческой образовательной политике властей и в жизни мусульманского общества на протяжении всего своего существования прослеживает С. Рахимов³. В работах этих авторов дается обстоятельная характеристика участия властей в общественной и образовательной сферах жизни татар. На многочисленных примерах показывается воздержание властей от предоставления равных прав мусульманам, а также анализируются некоторые мероприятия ограничительного и запретительного плана. О развитии культурного и образовательного уровня татаро-мусульманского населения дополнительные сведения приводит Исмагил Рамеев в 30-е гг. написавший «Словарь просвещения» («Әдәби сүзлек»), дополненный в наше время Раисом Даутовым⁴.

В силу специфичности проблемы самоопределения татар-мусульман во время активной «иноверческой» политики более объективным оказывается взгляд со стороны, не вовлеченный во взаимоотношения двух лагерей. О позиционировании мусульман, как «аборигенных» общностей России, писали в н. XX в. Г. Вамбери⁵, а в наше время - А. Рорлих⁶, А. Франк⁷ и некоторые другие зарубежные исследователи¹. Иностранцев

---

¹ Усманова Д.М. Неродное дитя империи. Взаимоотношения Духовного собрания мусульман с государственной властью // Татарстан. – 1997. - № 1; Ее же. The legal and ethno-religious world of empire: Russian muslims in the mirror of legislation (early twentieth century) // Ab imperio. – 2000. - № 2. – Р. 147-167; Ее же. Депутаты Государственной думы от Казанской губернии: социальный и политический портрет (в свете избирательных компаний 1906-1912 гг.) // Социальная структура и социальные отношения в Республике Татарстан в первой половине XX века: Сб. ст. Казань, 2003. – С. 34-44; Ее же. Мусульманские депутаты в Государственной думе Российской империи (1906-1917 гг.): Дис. ...д-ра ист. наук: Тт. 1-2. – Казань, 2004.

² Махмутова А.Х. Становление светского образования у татар; Ее же. Лишь Тебе, Народ, Служенье! (История татарского просветительства в судьбах династии Нигматуллиных-Буби). – Казань, 2003.

³ Рахимов С. Социально-правовой статус татарских учебных заведений последней четверти XVIII - начала XX вв.: Материалы международного симпозиума «Ислам в татарском мире: история и современность». Казань, 29 апреля - 1 мая 1996 г. // Панорама-Форум. – 1997. - № 12. (http://www.kcn.ru/tat_ru/politics/pan_for/)

⁴ Рэми И., Даутов Р. Әдәби сүзлек. – Казан, 2001.

⁵ Вамбери Г. Культурное движение среди русских татар в кн. Гольциер И. Лекции об исламе. – СПб: Брокгауз и Евфрон, 1912. – С. 276-302.

⁶ Rorlich A. The Volga Tatars: A Profile in National Resilience. – Stanford, 1986.

⁷ Frank Allen J. Islamic historiography and “Bulghar” identity among the tatars and bashkirs of Russia. – Leiden-Boston-Köln, 1998.

больше всего интересовала тема «разграничения культурных полномочий», следствием чего являлась та или иная идентификация или самосознание народа.

Разным аспектам взаимоотношений государства и религии посвящен ряд кандидатских диссертаций². Темы, касающиеся места мусульманских народов в России, своеобразия их обычаев, образа жизни, системы образования, изучались диссертантами многих регионов России³. Изучение историографии проблемы взаимоотношения государства и ислама позволило определить ее наименее изученные аспекты и сосредоточить внимание на их освещении.

В диссертации произведена попытка рассмотреть начало процесса культурной трансформации татар-мусульман как общности, проживающей на территории Казанской губернии, под влиянием политики культурно-языковой унификации, проводимой правительством в 1870-1917-е гг. Мы претендуем лишь на решение некоторых вопросов “цивилизационно-культурного взаимодействия” (противоборства и сотрудничества) мусульманской и христианско-православной цивилизаций на примере Казанской губернии в период максимальной активизации государственных механизмов регулирования. В событийной цепи внутренней истории России дан-

---

¹ Напр., Zenkowski S. Pan-turkizm and islam in Russia. – Cambridge, 1960; Lazzarini E. The Revival of Islamic Culture in Pre-Revolutionary Russia: Or, Why a Prosopography of the Tatar Ulema? in: Lemerrier-Quelquejay Ch., Veinstein G., Whimbush S.E. Passe Turco-Tatar, Present Sovetique – Etudes offertes a Alexandre Bennigsen. – Louvain – Paris, 1986. – S. 367-372 и др.

² См., напр., Муфтахутдинова Д.Ш. Эволюция политики российского государства по отношению к мусульманам Поволжья и Приуралья (2-ая половина XVI – начало XX вв.): Дис. ...канд. ист. наук. – Казань, 1999; Воробьева Е.И. Мусульманский вопрос в имперской политике Российского самодержавия (вторая половина XIX – 1917 г.): Дис. ...канд. ист. наук. – СПб, 1999; Алексеев И.Л. Ислам в общественно-политической жизни России (XIX – начало XX в.): Дис. ...канд. ист. наук. – М., 2002; Гарипов Н.К. Политика Российского государства в этноконфессиональной сфере в конце XVIII – начале XX вв: опыт духовного управления мусульман: Дис. ...канд. ист. наук. – Казань, 2003; Карпенкова Т.В. Политика самодержавия в отношении мусульманского населения России (вторая половина XIX – февраль 1917 гг.): Дис. ...канд. ист. наук. – М., 2004; Голубкина Т.М. Самодержавие и мусульмане Среднего Поволжья в конце XIX в. – 1917 г. (по материалам Казанской, Самарской, Симбирской губерний): Дис. ...канд. ист. наук. – Владимир, 2005.

³ См. напр.: Кобзев А.В. Мусульмане Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. (Этноконфессиональный аспект): Дис. ...канд. ист. наук. – Ульяновск, 2002; Юмакулов Н.Х. Система образования нерусских народов Среднего Поволжья: структура, организация, практика (70-е гг. XIX – начало XX века): Дис. ...канд. пед. наук. – Чебоксары, 2002; Кадырметова Н.Н. Этноконфессиональная политика российского правительства в XIX веке по отношению к нерусским народам Среднего Поволжья: историко-политический анализ: Дис. ...канд. ист. наук. – Казань, 2004.

ная работа выделяет и восполняет переход взаимоотношений двух сторон от чисто административных (в рамках ОМДС) к культурным и национально-политическим (период распространения джадидизма среди татар и начало борьбы на “культурном фланге”).

В качестве основополагающих в области истории и сущности мусульманского права нами были использованы монография И. Гольциера¹ и пособие Е.Ю. Барковской².

Источниковая база. Использованные источники можно организовать по следующим группам:

Законодательные акты по религиозной политике царизма содержатся в Сводах законов Российской империи и выпущенных специально для мусульманского духовенства сборниках законодательных актов³. Они дают представление о динамике становления правил и норм сосуществования в обществе, об отношении властей к исламу и другим религиям. Эти документы дополняются материалами по «мусульманскому вопросу», собранными в Особом отделе Департамента полиции при МВД и сосредоточенными в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Материалы Национального архива Республики Татарстан (НАРТ) дают возможность изучения конкретной реализации политики царизма в Казанской губернии. Были использованы делопроизводственные документы фондов Канцелярии казанского губернатора (ф. 1), Казанского губернского правления (ф. 2), Земской управы Казанского уезда (ф. 119), Директора народных училищ Казанской губернии (ф. 160), Казанского губернского жандармского управления (ф. 199), Инспектора народных училищ Казанского уезда (ф. 322), Казанского временного комитета по делам печати (ф. 420) и др. Рассмотренные материалы, представляющие собой донесения и обзоры чиновников российской администрации, характеризуют повседневное отношение чиновников к мусульманскому населению. На многих документах, представленных в этих фондах, и, особенно, в донесениях и обзорах чиновников, лежит печать субъективности и предвзятости.

---

¹ Гольциер И. Лекции об исламе. – СПб: Брокгауз и Евфрон, 1912.

² Барковская Е.Ю. Мусульманское право и правовая культура: Учебное пособие. – М.: РАГС, 2001

³ СЗРИ. Изд. 1887 г. – т. 10. – ч. 1. Свод законов гражданских. – СПб., 1887; СЗРИ. Изд. 1890 г. – т. 4. – ч. 3. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. СПб., б. г.; Сборник законов о мусульманском духовенстве в Таврическом и Оренбургском округах и о магометанских учебных заведениях: Издание неофиц. – Казань, 1898; Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского Магометанского Духовного Собрания (1836–1903). – Казань, 2004.

сти. По этой причине они требуют критического и сравнительно-сопоставительного изучения с данными других источников.

Постановления важнейших мусульманских съездов (3-го съезда партии «Иттифак» от 1905 г., Уфимского совещания при ОМДС от 1913 г., 1-го Всероссийского съезда мусульман и Съезда улемов, прошедших в 1917 г.) и *документы, раскрывающие деятельность мусульман в Государственной думе* (думские выступления С. Максуди и отчет о деятельности Комиссии по религиозным вопросам 2-ой и 3-ей Государственных Дум ее члена М. Тукаева) позволяют представить умонастроения и программы мусульманских реформаторов по организации духовной автономности или самоуправления.

Пресса и публицистика. Из татарской периодики были использованы газеты «Аль-ислах» (за 1907-1909 гг.), «Вакыт», «Иль», «Йолдыз» (за 1906-1907 гг.), «Казан мөхбире», «Кояш», «Хокук вә хәят», «Өлфәт». а также журналы «Маглюмат» («Мәглүмәте Мәхкәмәи Шаргыя Оренбургия») (за 1908-1910 гг.), «Шура» и «Әд-дин вә-л-әдәб».

Среди публицистических сочинений определенное место занимают *записки и эссе*, которые приближаются к документам личного происхождения.

Источники личного происхождения представлены дневниками лидеров мусульман (например, первого избранного муфтия Галимжана Баруди¹, кадия и издателя Габдеррашида Ибрагима²) и мемуарами других участников общественно-политической жизни, затрагивающими национально-религиозный вопрос, например воспоминания лидера кадетов П.Н. Милюкова³, товарища министра внутренних дел “столыпинского” правительства П.Г. Курлова⁴. Субъективизм авторов этих воспоминаний, в частности четко выраженная исламофобия П.Н. Милюкова, должен выявляться в сопоставлении с данными других источников.

Ни один из указанных видов источников не может дать полномасштабного представления о взаимоотношении ислама и государства. Только комплексный и сравнительно-сопоставительный анализ их данных позволяет максимально приблизиться к объективным реалиям.

Методологическая основа исследования. Руководящими принципами исследования явились принципы объективности и историзма. Они

---

¹ Баруди Г. Памятная книжка (Хәтер дәфтәре). – Казань, 2000.

² Ибраһимов Г.-Р. Дәүре галәм (Дөнья тирәли). – Казан, 2001.

³ Милюков П.Н. Воспоминания. – М., 1991.

⁴ Курлов П.Г. Гибель императорской России. – М., 1992.

позволили изучить факты во взаимосвязях и последовательности, с учетом их многогранности и противоречивости. Метод историзма был использован при рассмотрении политических мероприятий правительства и действий мусульман в исторической канве, цепи событий. Системный подход или системность выражается в прослеживании событий, деятельности учреждений и физических лиц с учетом многочисленности причин и многофакторности проявлений. Он позволяет проследить поэтапную трансформацию государственно-исламских взаимоотношений на протяжении к. XIX - н. XIX вв. как в русле общего политического процесса, так и под воздействием дополнительных обстоятельств. Все это вместе взятое и позволило рассмотреть события в определенной последовательности или, как минимум, связанности. Синхронный метод позволил изучить роль и влияние различных событий, происходящих одновременно, а ретроспективный - создал возможность рассмотреть события с высоты их завершенности. В определенной степени был использован и статистический метод.

Научная новизна диссертационного исследования заключается, прежде всего, в его источниковой базе. В работе во многом впервые применительно к рассматриваемой теме приведены данные многих татарских изданий, Национального архива Республики Татарстан. На этой основе изучены события, связанные с началом конфликта муфтия С. Тевкелева с местной администрацией, которые до сих пор не были объектом изучения историков. Ужесточение государственной политики по отношению к исламу, вызвавшее ответную реакцию мусульманского духовенства, также во многих подробностях представлено впервые.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы, показана степень ее изученности, определены объект и предмет исследования, определены территориальные и хронологические рамки, уточнен терминологический аппарат, проанализирована источниковая база, указаны методологические основы диссертации, представлены научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

Первая глава «Система управления мусульманским населением Казанской губернии в 1870-1905 гг.» посвящена формированию многогранной «иноверческой» политики государства в к. XIX в. применительно к мусульманам Казанской губернии. В первом параграфе «Влияние му-

сульманского духовенства на лояльность и управляемость мусульманского населения» описывается роль духовенства (муфтия, кадиев, имамов и муэдзинов) в организации управления, а также шаги Правительства по усилению централизации системы духовных учреждений.

История государственно-исламских отношений начинается с появления в стране “исламского фактора” – завоевания в 1552 г. Казанского ханства. С 1788 г. государство берет на себя функцию регулирования ислама и создает в Уфе муфтият - Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС). Все суннитское духовенство, за исключением западных (инородческих) провинций, становится низшим звеном структуры ОМДС, являя не только духовную, но и административную “власть”. С 1827 г. имамам поручают ведение семейных списков, метрик. Им вменяется в обязанность выдавать исправнику справки о дате рождения призываемых на военную службу, вступающих в брак, а также заниматься множеством других, не связанных с их основной деятельностью, предписаний.

Губернаторы часто сами решали дела, связанные с разрешениями на постройку мечетей, организацией кладбищ, увольнением или наказанием духовных лиц, хотя данные действия предполагали предварительные консультации с ОМДС. В действующих законах отсутствовало развернутое разделение предметов ведения, и любая неточность толковалась в пользу властей. ОМДС всегда “пасовал” перед хорошо знающими имперские законы чиновниками. Низшее духовенство тем более было беззащитно перед всевластием губернских и уездных административных и судебных органов.

“Участие” во власти разделило умму (сообщество мусульман). Представители каждой из частей и слоев мусульманского населения стали позиционировать себя в соответствии со своей “ассоциированностью” с властью. Например, имамы, в отличие от членов ОМДС, не считали необходимым для себя проходить военную службу, знать русский язык, а некоторые и произносить пятничные моления во славу монарха и царской семьи. Народ был ближе к своим муллам, но, как ни парадоксально, на пользу правительства, а не народа играло значительное увеличение численности духовенства в этот период. Администрация следила, чтобы на каждые 200 дворов был свой духовник, поскольку он вел “акты гражданского состояния”. Население не хотело платить за чиновника, мало бывающего в мечети, из своего кармана.

Вручаемый губернатором Указ на должность, отчетность имама перед уездным исправником и отсутствие у духовенства статуса государственного служащего служили свидетельством того, что за возможность быть

признаваемым главой локальной мусульманской общины (“махалли”) власти от него ждали “хорошей службы”, пользы государству. Двойная подчиненность – ОМДС и губернаторам – делала их чиновниками, абсолютно ничем не связанными с паствой. За избрание они подкупали прихожан вином, брали взятки и писали доносы друг на друга. Российская власть имела лишь один способ воздействия на беспорядок - надзор и репрессии. В 1890 г. избрание кадиев (заседателей) духовного собрания было заменено их назначением главой МВД, а в 1895 г. сельским сходам запретили снимать имамов с должности, чем пытались уменьшить количество доносов.

Правительство не решалось ни позволить мусульманам самим решать свои религиозные дела, ни предоставить имамам государственное жалование, боясь расшатать и без того нестабильную ситуацию. Отдаляясь от своих подопечных, претенденты и исполняющие обязанности имамов продолжали пользоваться любыми средствами для достижения заветной должности.

Во *втором параграфе* «Контроль над формой проявления ислама в губернии» прослеживаются некоторые меры правительства по “формированию” ислама на всей территории России и, в частности, в Казанской губернии. В этой связи, в “иноверческой” политике России прослеживаются 3 тенденции – меры по “защите” ислама от искажений и противоречащих его нормам действий и влияний, дополнение (или дополнительное ограничение) религиозных норм, а также введение прямо противоречащих мусульманским обычаям и нормам положений.

Главным и определяющим облик ислама, образ жизни мусульман, средством было введение дополнительно ограничивающих или обязывающих мусульман законов, а также незафиксированность (а значит неподдерживаемость властью) в них некоторых мусульманских установлений. Из ограничивающих нужно отметить законы об увеличении возрастного минимума для вступающих в брак и охране крещеных татар от влияния мусульман. Эти законы нарушались мусульманским сообществом очень часто, за что главную ответственность несло мусульманское духовенство. По мнению знаменитого миссионера М.А. Машанова, “класс” мусульманского духовенства являлся детищем российской власти, создавшей его себе же во вред¹. Тем не менее, введение обязательной должности имама, да еще и со светскими обязанностями, являлось новшеством, не основывавшимся на религиозных канонах мусульман. С развитием активности

---

¹ См.: Машанов М. Современное состояние татар-мухаммедан и их отношение к другим иноверцам. – С. 45.

общественной жизни вопрос о правах и обязанностях имама стоял в центре дискуссий. Если консервативное духовенство пошло на союз с властью, признав за правами имама лишь “предстояние” во время молитвы, а за обязанностями – обеспечение порядка и подчинение во всем администрации, то прогрессивные слои духовенства считали, что они не могут быть в стороне от общественно-политической жизни своих прихожан. Р. Фахретдин считал главной деятельностью имама не религиозную, а общественную. По округу ОМДС из “нелигитимизированных” мусульманских норм можно назвать отсутствие положения о вакуфах, что обрекало некоторых “хозяев мечетей” на нищенское существование, законодательства о мусульманских праздниках, о публичных жертвоприношениях и т.д. В н. XX в. для имамов были выпущены специальные выдержки из законов, но там описывалось только обязанности священнослужителя, а именно как писать справки, заявления и т.д. Это лишь подтверждает тот факт, что в развитии находилась лишь официальная сторона деятельности имамов, тогда как основная их деятельность не детализировалась. “Неполноценность” имамов объясняет слабость ислама в губернии вообще. Власти ликвидировали сиротский суд мусульман, трудности возникали при издании религиозных книг и Корана, а также при рассмотрении прошений мусульман о ликвидации виновных лавок в их селениях.

Власти по-своему видели допустимость исламом тех или иных видов деятельности. Несоответствующими исламским нормам признавались, например, тиражирование священного Корана, перевод на татарский язык сочинения Л.Н. Толстого «Первый винокур». Тогда как вполне допустимой представлялась замена веками соблюдавшегося обычая хоронить в этот или на следующий после смерти день обязательством не хоронить ранее истечения трех суток с момента смерти. Данные действия не могли не оказывать негативное воздействие, как на функционирование ислама, так и на религиозность населения. “Коммерциализация” имамата стала одним из последствий политики “двойных стандартов”.

По мнению Р.М. Мухаметшина, ислам – «символ национальной самобытности» н. XX в. для татар. Вытеснение этнонима “татары” конфессионимом “мусульмане” происходило до XX в. вследствие защиты своей самобытности, культурной автономности. По ряду объективных и субъективных причин данная самобытность постепенно превращалась из самобытности мусульман перед остальным населением России в самобытность “российских мусульман”. Немалую роль в этом процессе сыграла и струк-

тура Духовного собрания как “миллета”, формы определенной духовной автономии недоминирующей нации¹.

Третий параграф «Попытки включения татарского мусульманского населения в систему государственного образования» построен на рассмотрении процесса введения русских классов при медресе и создания русско-татарских (школ) училищ. Для любого государства современного образца школьный вопрос является одним из ключевых. В 1865 г. российский император озаботился “неподведомственностью” мусульманских конфессиональных школ – мектебов и медресе – школьной администрации. Власти просто не знали, как можно ими эффективно управлять при слабом понимании их назначения и места в жизни мусульман и, поэтому, совершенно оставили без внимания. После реформ Александра II государство надо было спланировать на другой, эгалитарной основе, а что, как не школа, формирует человека гражданином, воспитывает патриотизм?

Традиционный контроль над порядком в среде мусульман через духовенство не касался конфессиональных школ. Здесь имам являлся полным хозяином положения. Однако государству уже мало было нейтрализовать ислам. В новых условиях на медресе возложили ту же, что и на православные конфессиональные школы, функцию - воспитание гражданственности. В 1874 г. мектебы и медресе переподчинили Министерству народного просвещения, хотя от этой реформы самой по себе многого не ждали. Это свидетельствовало лишь об усилении контроля и внимания за некоторыми обязательствами и ограничениями, введенными Правительством. Главными из них были – обязательное наличие русских классов при медресе, запрет преподавать в них лицам, учившимся за границей, запрет на использование рукописных учебников и т.д.

По словам С. Рахимова, к н. XX в. правительство, так или иначе, контролировало всю школьную сеть страны². Несмотря на то, что многие инородческие школы России ставились под жесткий контроль, именно татарской медресе, по выражению С. Рахимова, «было суждено стать первым и основным экспериментальным полем, на котором российские государственные чиновники оттачивали политику в области народного образования нерусских народностей»³. Но не все здесь шло гладко. По свидетельству В.С. Дякина, Министерству просвещения мешало поставить под

¹ См.: Хабутдинов А.Ю. Рождение “миллета”. Как начала формироваться татарская нация // Казань. – 1999. - № 12. – С. 23-28; Он же. Миллет Оренбургского духовного собрания в к. XVIII-XIX вв. – Казань, 2000.

² См.: Кадырметова Н.Н. Этноконфессиональная политика... – С. 126.

³ Рахимов С. Социально-правовой статус... (http://www.kcn.ru/tat_ru/politics/pan_for/)

контроль мусульманские конфессиональные школы Министерство внутренних дел, боявшееся усиления недовольства мусульман и нового переселения татар за пределы России¹.

В итоге, “полумерные” шаги Правительства выразились лишь в принудительном обучении русскому языку в медресе. Обязывающие меры правительства по “культурному обогащению” породили негативное отношение и, в конечном итоге, обусловили провал попытки распространить русскую грамоту. По мнению А.А. Литвина и П. Вейнселсела, новации в сфере образования не были эффективным орудием русификации: «Простое знание русского языка не гарантировало любви к русской культуре»². По мнению исследователя взаимоотношений “нацменьшинств” с большинством населения России О.Н. Коршуновой, «административно-казенный принцип приобщения к русскому языку, помноженный на миссионерские акценты в содержании образования и русификаторскую подоплеку политического курса, затрудняли исторически прогрессивные шаги по освоению русского языка как языка межнационального общения и условия интеграции хозяйственного рынка»³.

Несмотря на то, что русские классы при медресе и русско-татарские училища были созданы с образовательной целью, методы их внедрения при отсутствии общественного согласия по данному вопросу выразились в выполнении ими своей функции в очень ограниченном объеме. Русские классы посещались нерегулярно, полученное знание русского языка ввиду неприменимости забывалось достаточно быстро, а училища саботировались большинством населения, образовав своего рода “касту неприкасаемых”. На посещаемости уроков отразились и важнейшие мероприятия правительства – отмена избрания кадиев и Всероссийская перепись. Объясняя образовательный ценз для духовных должностей подготовкой власти к тотальной христианизации, некоторые муллы возглавили движение за переселение в Турцию.

Итак, правительство по отношению к образованию мусульман применяло 2 меры – централизацию и русификацию. Приобретение большинства “плюсов” централизованности оттенялось выдвигаемым на первое место обязательным знанием русского языка, так как все дальнейшее образование возможно было лишь при выполнении этого

---

¹ См.: Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX века) // Вопросы истории. – 1996. - № 11-12. – С. 140.

² Литвин А., Вейнселсел П. Империя и насилие: подавление национального самосознания // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 1996. - № 1/2. – С. 57.

³ Коршунова О.Н. Процессы социокультурного... – С. 275.

условия. Не получив поддержки большинства мусульманского населения, образовательная политика Правительства актуализировала вековую мечту народа об универсальном образовании на родном языке.

Вторая глава «Увеличение общественно-политической активности мусульман в новых условиях 1905-1917 гг.» посвящена анализу борьбы мусульман за религиозное равенство и независимость исламской жизни от государства после принятия и провозглашения ряда правительственных инициатив н. XX в. о веротерпимости и гражданских свободах. В первом параграфе «Обсуждение вопроса о духовной организации» осуществлена попытка ответа на вопрос: шло ли Российское государство в н. XX в. к секуляризации, отделению гражданской сферы от религиозной или нет? По мнению некоторых аналитиков того времени (напр., Н.А. Рейснера), Россия в данный период уже представляет собой секуляризованное государство, чем объясняется использование им традиционных институтов разных религий в своих интересах, «ранжирование» их для более продуктивного управления населением. По данной логике Россия превратилась в светскую державу с образованием Священного Синода, что не соответствует реальному положению дел. Факты свидетельствуют о том, что тогда был сделан лишь незначительный шаг к такому «становлению».

Революционные события января 1905 г., послужившие поводом к изданию Октябрьского манифеста, еще более усилили общественно-политическую активность угнетенного населения, в том числе мусульманской его составляющей. Перемен отжившего порядка стали ждать многие, но каждый держал в уме лишь свои приоритеты. Муллы и их прихожане просили отменить знание русского языка как обязательного условия для занятия духовных должностей, то Министерство юстиции предлагало передать дела о разводах мусульман в гражданские суды, губернатор – отменить процедуру раздела наследства в соответствии с шариатом, а Государственная дума приступала к рассмотрению вопроса о введении гражданского брака. Духовное собрание, МВД и верховная власть не торопились проводить секуляризацию. Манифест мало повлиял на стержень внутренней политики самодержавия, но власть поняла, что любые уступки, любые заигрывания с народом, любая эволюция режима в сторону демократии приведет лишь к гибели царской династии.

В условиях отсутствия независимого ОМДС многое зависело от имамов, с ханских времен играющих важнейшую роль в образовании единоверцев края. Духовенство не возглавило общественно-политическую борьбу из-за своей вовлеченности в структуру управления, а значит связанности службой режиму, функционирующему автономно от

населения. Среди населения росло недовольство муллами. Несмотря на стремление Правительства предоставить последним право обучения татарских детей русскому языку, большая часть мусульманской общественности высказалась за изъятие медресе из их ведения. На совещании «казанского земства» (Казанской городской думы) 10-11 января 1912 г. мусульманские представители, за исключением Хади Максуди, вообще выступили за запрещение муллам преподавать богословие и татарский язык, вопреки мнению земства и школьной инспекции¹. В газете шакирдов и прогрессивной (левой) молодежи «Аль-ислах» мулл открыто называли паразитами. Это в определенной степени свидетельствует о том, что мусульманская община (умма) и муллы оказались “по разные стороны баррикад”. Имам стал жертвой процесса искусственной интеграции, не приведшего к полному подчинению мусульманского меньшинства, рецепировав русскую культуру, а лишь отделившего образование от религии, а значит и от опеки государства, дав начало джадидизму, в том числе мечте о национальной школе.

Мусульманская часть населения Российской империи выдвигала требование независимости духовной организации, представленной имамами и Духовным собранием. Общество четко разделилось на “верхи” и “низы”. ОМДС поддерживало централизацию управления, так как само было “самодержавным органом”. В действиях ОМДС, например, по предложению казанским имамам избрать нового кадия вместо умершего Хайруллы Усманова, а назначению другого, четко просматривается волюнтаристское управление ничем не ограниченного лица. Правительство запретило муллам участвовать в политической жизни страны, за исключением Земских собраний. На деле провозглашенная “свобода совести” не соблюдалась, что не могло не возмущать мусульманское население и духовенство. ОМДС и император как будто соблюдали негласный договор – “знай свое место в системе и твои права не секвестрируют”.

Население строило различные проекты по реорганизации Духовного собрания, категорически выступая против ликвидации “не успевающего за временем” учреждения. Отсутствие взаимопонимания в этом вопросе стало причиной их охлаждения к идее независимой от власти духовной организации. Июльский мусульманский съезд 1917 г., провозгласивший культурно-национальную автономию мусульман в пределах России, создал условия для появления специального Министерства по

---

¹ См.: Самойлович А. Печать русских мусульман // Мир ислама. – 1912. – Т. 1. - № 2. – С. 277-278.

религиозным делам в Правительстве предполагаемого “Идель-Урал штата”. Однако и это не могло решить проблему, ибо вызвало недовольство ОМДС в лице его муфтия Г. Баруди, который не хотел мириться со второй, “подчиненной” ролью.

Дальнейшее развитие событий, связанное с утверждением власти большевиков, внесло в решение этих проблем существенные коррективы. Тем не менее, религия стала одним из элементов татарской нации. Из религиозно-политической организации общества ислам превратился в “мировоззренческую” установку.

Во втором параграфе «Борьба за свободу совести после издания Октябрьского манифеста» прослеживается изменение государственно-религиозных отношений вообще и государственно-исламских, в частности. Показана противоречивая позиция государства, с вдвое большим напором выпускающего указы и циркуляры, с одной стороны, направленные на сохранение религиозности населения, а с другой - на противодействие расширению влияния ислама. Правительство продолжает “ранжировать” религии, все более отодвигая ислам на задние позиции, сохраняя и укрепляя православие. Не предоставив военным мусульманам в достаточном количестве «военных мулл» и сохранив эту обязанность за местными служителями культа, оставив для последних обязательную службу по призыву, отмененную лишь стараниями Мусульманской фракции Думы в 1912 г., императорская власть показала ничтожность роли ислама в структуре власти Империи.

К н. XX в. мусульманское общество уже перестало бояться некоторых законодательных мер правительства, направленных на формирование единого правового поля в стране. Среди самих мусульманских идеологов речь уже стала идти о ликвидации правовых различий между мусульманами и православными священнослужителями. Основная борьба развернулась по вопросу о “свободе совести”, формально объявленной в 1905 году, поскольку реализация Октябрьского манифеста 1905 г. не была достаточно продумана. В конце концов, государство оставило это дело на волю губернаторов, всегда очень настороженно относившихся к усилению мусульманского влияния. Это было, по сути дела, запрещение “свободы совести”. Закон о возможности «перечисления» в ряды верующих «преждеисповедуемой» религии был принят Думой лишь в 1912 г. Большинство «отпавших», по данным, прозвучавшим на «Особом совещании» 1910 г., «присоединилось к исламу непосредственно по опубликовании Высочайшего указа 17 апреля 1905 г. ... число переходов в магометанство в течение

1908 и 1909 гг. свелось на незначительные цифры (800 и 240 человек)»¹. Перечисленные факты убедительно показывают, что, поверив заверениям Императора, люди сразу же объявили свою настоящую религиозную принадлежность и поставили себя вне закона, не регламентирующего механизм реализации Манифеста.

В подобных жестких условиях выживания показательны дискуссии в среде как властных органов, связанных с управлением мусульманами, так и самих мусульман (представленные, например, в журнале «Маглюмат», считающемся независимым от мнения властей), обсуждающие неоднозначные с точки зрения допустимости исламом вещи – взятие процентов с капитала (“риба”), соблюдение религиозных праздников, постановку театральных представлений, публичные жертвоприношения и т.д. Все эти вопросы представлялись власти незначительными для объяснения воздержания большинства «иноверческого» населения от мероприятий Правительства по унификации жизни. Ф.М. Султанов пишет о том, что под “свободой совести” татарские мыслители (например, Фатих Амирхан) понимали свободу от религии, считая ее принуждением, «тягостью, уничтожающей свободу человека»².

В *третьем параграфе* «Взгляд власти и общества на национальное просвещение, специальное и высшее образование мусульман» рассматривается политика Правительства в области школьного дела в отношении мусульман. Власти начали введение обучения русскому языку с основания при медресе русских классов, которые так и не прижились, но внедрились идея массового обучения в среду «иноверцев». Более длительную историю имели русско-татарские учительские школы и училища для татар, сформировавшие целый слой татарской интеллигенции. Знакомство с русской культурой в образовательных учреждениях дало толчок развитию их как “народных просветителей”. Негативной стороной была потеря связи со своей средой и татарской культурой и пополнение слоя городских обывателей. Если русско-татарские школы не получили распространения, оставшись “чужеродным телом” в среде мусульман, то русские классы отменила сама власть. С 1910 г. чиновники отходят от мысли использовать медресе для распространения образования среди мусульман.

Идея всеобщего образования для мусульманской части населения так и не нашла воплощения. Правительство, принимая все решения централи-

---

¹ НАРТ, Ф. 967, Оп. 1, Д. 25, л. 26.

² См.: Султанов Ф.М. Ислам и татарское национальное движение в российском и мировом мусульманском контексте: история и современность. - С. 62.

зованно, мусульманам делегировало минимум полномочий и вопрос о “своем” образовании решался “черепашьими” шагами. Земское собрание взялось за обсуждение выпуска газеты на татарском языке, которая бы, по мнению Я.Д. Коблова, «имела целью подготовить общественное мнение к принятию земской школы». Открытие школ не поддерживало и начальство Казанского учебного округа. Несмотря на обращение Буинского уездного земства Симбирской губернии 15 февраля 1913 г. к попечителю округа с просьбой открыть в Буинском уезде русско-татарскую учительскую школу, последнее событие произошло только 1 июня 1915 г.¹, а просьба Управы Казанского уезда 1915 г. об открытии школ для мусульман по наличию детей школьного возраста² вообще была оставлена «без последствий». Этот вопрос был разрешен только февральской революцией. О трудности реализации данного проекта свидетельствует бурная дискуссия в Земском собрании Казанского уезда после свержения царской династии. Одно несомненно - до Октябрьской революции сеть русско-татарских школ в Казанской губернии не получила распространения. Учеба в русских образовательных учреждениях интенсифицировала процесс адаптации мусульманами русской культуры “под себя”. Большинство “единоверцев” использовало полученные данные для достижения своих конкретных целей, часто даже не заканчивая обучение, несмотря на то, что рычаги управления светским образованием находились в руках администрации.

Одной из насущных и долговременных задач мусульман было создание сети школ (мектебов), формирующихся при реорганизации конфессиональных медресе. Правительство занимало позицию жесткого отделения конфессионального образования от светского. Для самих мусульман в подобных условиях было нереально создать национальную школу, не учитывая многовековой опыт медресе. Среди татар существовало много вопросов о том, как создать сеть национальных школ. Начать решили с введения некоторых светских дисциплин в медресе. Вторым пунктом шло разделение всех медресе на 3 ступени – “игдади”, “рошди” и “гали”. К 1917 г. эта “программа-минимум” не была реализована из-за сопротивления со стороны имамов, управляющих медресе.

На Всероссийском съезде мусульман в мае 1917 г. была принята программа дальнейшего переустройства медресе. Обучение в начальных и

---

¹ Юмакулов Н.Х. Система образования... - С. 69.

² Железнякова Е.Ю. Земская школа Казанской губернии: 1865 – 1917 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2002. - С. 64.

средних школах становится обязательным, причем начальные, не разделяясь на религиозные и светские, составляют один тип. Детей обоего пола предполагается обучать совместно, хотя, исходя из конкретных обстоятельств, допускаются исключения. При наличии в “чужих” школах не менее 8 мусульман, то за счет средств казны и руководства прихода будут приглашены преподаватель родного языка и законоучитель. Открытые за счет правительственных, городских и земских средств учебные заведения, а также приходские школы с начала 1917/18 учебного года превращаются в национальные. Выпускники национальных средних школ будут приниматься без экзаменов в русские высшие школы. Для подготовки учителей открываются “Дар-эль-мугаллимины” (для мужчин) и “Дар-эль-мугаллиматы” (для женщин), а также образовательные курсы, которые будут находиться в ведении мусульман тех местностей. С целью скорейшей подготовки учителей для национальных школ открываются высшие курсы, а в русских высших учебных заведениях - кафедры. До основания национально-культурной автономии, земские и городские школы передаются в управление Национальных комиссий¹. К сожалению, это было лишь декларацией воли. Проблемы взаимопонимания с властями по культурным вопросам остались, медресе не превратились в обычные школы. Что касается сравнения конфессиональных медресе и национальных школ советского типа, сформировавшихся к н. 30-х гг. XX в., то исследователь джадидистского реформаторства Д.М. Исхаков пишет: «В этом плане (плане независимости от государственной идеологии – Д.Г.) к подлинно национальной школе была близка конфессиональная школа татар, существовавшая до 1917 года. Но она не смогла стать в досоветский период массовой, дающей хотя бы всеобщее начальное образование»². Октябрьская революция прервала процесс реформирования национальной системы образования. Религиозная политика советской власти была направлена на внедрение атеизма в общество, однако эти вопросы являются темой специального изучения и выходят за предмет данной диссертации.

В **Заключении** работы делаются соответствующие выводы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

---

¹ Кара.: Гомумрусия мөселман съездының қарарлары (1917 ел, 1-11 майда). - 8-9 б.

² Исхаков Д.М. Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. - С. 38.

- 1) "Закрепощение" мусульманского духовенства после Великих реформ (на материале Казанской губернии). Депонированная в ИНИОН РАН рукопись.
- 2) Реформирование системы комплектования Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) во 2-ой половине XIX в // Вестник региональной истории. – 2005. – октябрь. (в печати)
- 3) Оренбург мөселман рухи эшләр буенча жылышында "казан татарлары" төркеме // Мирас. – 2005. - № 11. (в печати)
- 4) К проблеме участия земства в делах православия и ислама в Казанской губернии в начале XX в. (тезисы) // Ислам и православие в поликонфессиональном обществе. – Казань, 2005 (в печати).